

И ПОТОМУ Я СЧАСТЛИВ...

ПОЛЕ ПРИТЯЖЕНИЯ

Бурков и Шукшин. «Они сражались за Родину» у станции Клетской на Дону. Вместе снимались в фильме по роману М. Шолохова.

— Василий Макарович долго мучился,— вспоминает Георгий Иванович,— не зная, как ко мне обращаться. Георгий Иванович вроде бы сухо, мы все-таки друзья. Георгий — имя какое-то нерусское, торжественно-высбренное, Жорж — это из другой крайности. И вот однажды стучится в дверь, входит: «Здравствуй, Джорджоне»... Так меня и «окрестили» в съемочной группе и уже иначе не называли. А я все не мог понять, откуда он взял это имя. Но как-то случайно увидел у него на столе журнал с репродукциями великого итальянца...

Георгий Бурков очень интересный собеседник, отзывчивый к просьбам журналистов человек:

— Приходи, обсудим, интересные вещи происходят, есть о чем потолковать...

В театре подчас все кажется каким-то неуютным, случайным. «Играют» одни и «не играют» другие. Из сумбура, лихорадочных репетиций рождается, а порой и не рождается спектакль. Да и актеры в той же упряжке — пристяжными, — им не оторваться от коренного — режиссера. Случайность в театре становится какой-то злополучной закономерностью, нормой существования, а «воз и ныне там». И вот в этой на первый взгляд суетной жизни надо улучшить момент, встретиться, поговорить с актером, который давно привлекает твое внимание незаурядностью таланта, таинством истинного ваятеля человеческих судеб. Встретиться с актером и за это короткое время попытаться понять, узреть человека...

С Георгием Ивановичем Бурковым хочется встречаться бесконечно много. И в театре, и на экране, и в жизни. И хоть долг подчас был путь к этим встречам (и актерский, и зрительский), знаешь наверняка, что тебя ждет открытие нового, продуманного, прожитого, ждет неожиданность открытия духовного мира человека глубокого, несуетного. Будто бы и не от мира сего. Хотя и сам Георгий Иванович, и герои его кровно связаны с жизнью. Завидное творческое постоянство, если хотите, художественная программа целого актерского поколения, ни в чем, даже в мелочах, не предаваемая.

Бурков постоянен во всем многообразии своих ролей. Их нельзя назвать близнецами, хотя они принадлежат одному актеру. Множество ролей — от маленьких шедевров эпизодических появлений (большинство из них создано в фильмах Э. Рязанова: «Зигзаг удачи», «Старики-разбойники», «Служебный роман», «С легким паром», «Гараж») до больших полнометражных ярких полотен («Так начиналась легенда», «Крестьянский сын», «Человек, которому везло») — при всей несхожести непременно несет в себе преданность Буркова народному герою. Тому самому герою, вышедшему из шутейского, скоморошьего лицедейства, которое гонимо было и светом, и церковью за свою излишнюю приверженность к простому человеку.

Существование этого образа, любовь к нему и какая-то мужская нежность, бережливость сказываются не только в сыгранном, но и в том, что остается за кулисами. В памяти о том добром и трудном, что бывало и в детстве, и в юности. В теплоте души, в почтении к отцу с матерью, в любви и благодарности к ним. Наконец,

в прочитанных и «открытых» книгах, тихой праведностью своей хранящих память, мудрость народа, справедливость истории, в которой непременно хочется дойти до самого корневика, но которая все же остается с налетом таинственности, нетронутости.

Памяти Буркова подчас дивисься. По образу, созданному актером, можно изучать историю, но не ту «музейно-протокольную», что ему иной раз предлагают «выучить», а реальную, во плоти ожившую. Видно, потому, что верен не букве, а духу, знает человека, его психологию, думы, боли сердца в конкретных обстоятельствах, в конкретное время Человековедение — эта наука, доставшаяся, быть может, от изучения юриспруденции, а лучше от жизни, стала главной в его творчестве. Можно ведь по-разному истолковать поступление на юридический факультет — отец был народным заседателем в суде. Вот и усмотрись некий формальный выбор профессии. Если что и подсказало выбор, то это, пожалуй, возможность общения с людьми, влезания в конфликтные ситуации, близость к разбирательству духовному, пониманию житейскому, человеческому. Актер всегда тяготел к свободному, открытому общению. Неравнодушие сердца проявилось в постоянном неравнодушии творческом. Будь то генерал Папфилов или рабочий Бутузов...

На гастролях МХАТа в Алма-Ате летом прошлого года играли «Волоколамское шоссе». Особая статья, особый разговор. В зале дети и внуки, родственники героев подмосковного сражения.

— Перед началом спектакля я подошел к Борису Щербакову, который играет Момыш-Улы, и говорю: «Будешь плохо играть, сдам, Москву».

Вроде шутка, но в ней — высокая требовательность актера к себе и к партнерам. Спектакль прошел с триумфом. Москву Бурков отстоял.

Требовательность у Буркова — всегда спутник доброты и щедрости. Он готов ради дела и по ночам сидеть и мучиться, переигрывать и перестраивать за других, доискиваясь правды, постигая главное для актера, как он сам считает, — мировоззрение героя.

Нынешним летом на гастролях в Чехословакии Георгий Иванович встретил свое пятидесятилетие. Особых торжеств не было, а сошло актерское братство в гостиничном номере, и разговор сам собой зашел о судьбах русского театра, о том, каким он будет, как продолжатся великие традиции Станиславского в искусстве МХАТа. «Поле притяжения» Буркова человеческое и творческое располагает на серьезный, безразличный разговор, размышление. И в равной степени, без кокетства с ним можно говорить и об удачах и промахах, он не обидится, лишь только «заведется», вовсе не оправдываясь за то, что «подставился», и с какой-то грустной, тревожной мечтой о творении совершенном, идеальном будет говорить о том, чего хотел добиться. У него всегда много предложений — и со студентами поработать, а может, и фильм снять, поставить спектакль и самому сыграть, и при этом он не теряет собственной нити, собственного голоса, собственной походки.

А в очередной раз, когда возникнет необходимость поговорить и обсудить, что в нашей жизни происходит, Бурков ответит: «Давай встретимся, есть над чем поразмышлять».

Б. ПЕТРОВ.

Фото В. Шина.